

Православие и консерватизм. Социально-политические и религиозные аспекты консерватизма

СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ

Для меня большая честь, дорогие друзья, выступить сегодня перед вами на лектории «Крапивенский 4». Тема моего доклада — «Православие и консерватизм. Социально-политические и религиозные аспекты консерватизма». Название звучит политологически, культурологически, философски, и это несколько непривычно для меня, историка, прежде всего, который как профессионал привык, прежде всего, к нарративу, к изложению фактов. Но этих фактов в течение примерно 30 лет занятий этой тематикой накопилось слишком много, и волей-неволей приходится историософствовать. Вот такие посильные историософские рассуждения я бы хотел сегодня представить на ваш суд. Без подобного рода историософского анализа огромная работа, проделанная с источниками, будет неполной. Сразу хочу подчеркнуть, что мы сегодня будем говорить только и именно о русском консерватизме, и большей частью те определения, которые здесь прозвучат, будут касаться этого явления на всём протяжении его существования, начиная с конца XVIII — начала XIX в. и до начала XXI в.

Итак, консерватизм (от лат. *conservo* — «сохраняю») — это блистательное и мощное интеллектуальное направление европейской и русской мысли. Она представлена на Западе знаковыми в истории культуры и общественной мысли именами: начиная с его европейских отцов-основателей Эдмунда Бёрка, Жозефа де Местра и гениальных основоположников русского консерватизма. Приведу этот ряд: Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, А. С. Шишков, продолжатели-апологеты Н. М. Карамзина — С. С. Уваров, В. А. Жуковский, далее — зрелый А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, Н. В. Гоголь, славянофилы, Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, Л. А. Тихомиров, И. А. Ильин, А. И. Солженицын, И. Р. Шафаревич, то есть это своего рода культовые имена в русской культуре, в русской мысли.

Можно привести и десятки других не менее масштабных фигур из национального русского пантеона. Казалось бы, это имена, говорящие сами за себя и не нуждающиеся в дополнительной рекламе. Однако даже по сей день с понятием «консерватизм» связаны негативные коннотации. Его связывают с отсталостью и иррациональной приверженностью к старине, начальстволюбием, интересами господствующих классов, рептильностью и прочим. Эти негативные определения являются результатом более чем двухвековой работы, своего рода чёрного пиара или, если хотите, военной пропаганды, ведущейся оппонентами и противниками консерваторов как западноевропейских, так и российских. Этими противниками традиционно выступали и выступают радикальные левые либералы и представители социалистического лагеря. Поэтому имеет смысл сравнить течения, которые появились в Новое время: либерализм, социализм, консерватизм, поскольку такого рода сопоставление позволяет выявить главное, наиболее существенное в том же самом консерватизме.

Начнём с того, что с 1917 г. заветными понятиями в понятийном словаре социалистической идеологии являлись «справедливость» и «равенство». Идеи «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса или «Государства и революции» В. И. Ленина, посвящённые созданию общества всеобщего равенства, звучали для многих современников завораживающе: для достижения равенства и справедливости необходимо ликвидировать частную собственность, порождающую отношения эксплуатации, господства и подчинения, и, соответственно, основные последствия частнособственнических отношений: государство, право, религию, семью, культурно-историческую традицию и так далее. На практике реализация

этих идей обернулась насилием над действительностью, миллионами жертв, уничтожением целых классов. И все эти особенности вытекали из глубинной логики леворадикальной идеологии. В итоге грандиозный левый эксперимент завершился саморазрушением советского государства в конце 1980-х — начале 90-х гг. и естественным образом изжил себя.

С 1991 г. в нашем государстве и обществе начала было безраздельно господствовать либеральная идея. Здесь ключевым словом является «свобода». Либеральный эксперимент в сравнении с советским, безусловно, расширил сферу продекларированных в начале «перестройки» экономических, политических и личных свобод, однако качество этих свобод, не ограниченных моралью и традицией, оказалось чудовищным. Цена, которую нашему государству и обществу пришлось заплатить за неё, оказалась непомерно высока: распад государства, крупнейшая геополитическая катастрофа XX в., существенное ограничение суверенитета, зависимость от западных «партнёров», расчленение русского народа, обнищание огромного числа людей, колоссальное социальное неравенство, возникновение олигархата, нравственная и интеллектуальная деградация и так далее, и так далее. Последствия всего этого не преодолены и по сей день.

Так вот, в силу того что левые и либеральные идеи оказались на практике скомпрометированы в самых разных социальных слоях, всё настойчивее стал появляться интерес к консерватизму как альтернативному идеологическому, политическому, культурному и нравственному проекту. Началось неуклонное, хотя и медленное движение к той мировоззренческой системе, в которой ключевым понятием — я подчёркиваю, ключевым понятием — является «традиция».

Именно традиция является системообразующей в мировоззрении, философии и политической идеологии консерватизма. В первую очередь речь идёт о позитивных традициях и ценностях, освящённых авторитетом предков, древностью, которые обеспечивают эволюционное органическое развитие общества, исключают кровавые революции, радикальные реформы. Консерватизм буквально пронизан культом традиции. Немного истории: сам консерватизм появился в конце XVIII в. как реакция на рационализм и индивидуализм Нового времени, теорию прогресса — она ассоциировалась с уверенностью в постоянном увеличении в мире свободы, знаний, богатства, порядка, нравственности. Но эти идеи воплотились в так называемой Великой французской революции,

той революции, которая означала кровавую ломку существующего ancien régime — старого порядка, органичного традиционного общества. И консерватизм появился, прежде всего, как реакция на эту беспрецедентную ломку и катаклизмы. Собственно говоря, он появился как критика тех ценностей Нового времени — теории прогресса, просвещения, которые я только что перечислил.

Здесь следует сказать, что ядром традиции — той традиции, на которую опирается консерватизм, — является культ трансцендентного начала. Религия, которая, согласно воззрениям консерваторов, придаёт смысл истории и отдельной человеческой личности — обеспечивает связь человека с Творцом, освящает божественный порядок, его основные установления, устанавливает связь с бесчисленными поколениями предков, сплачивает, очищает общество, указывает ему высшие ценности. И для России главенствующей религией, оказавшей огромное влияние на складывание государственности, культуры, национального самосознания, является православие. Нет, обратите внимание, ничего более общего, ничего более устойчивого в русской истории, нежели Церковь с её догмами литургической евхаристической практики, её вероучением в целом. Если мы возьмём более чем тысячелетнюю историю России, что, собственно говоря, сохранилось из институтов, из неких духовных явлений, из ценностных установок от этого тысячелетия? Церковь и христианство. Ни один институт более не уцелел.

Религиозное мировосприятие предполагает признание тех принципов, которые являются основополагающими для консерватизма. Это — иерархия. Структура бытия в консервативном как и в христианском сознании иерархична: есть небесная иерархия, ангельские чины, и, соответственно, общественная иерархия как отражение небесной. Это соответствует убеждению, что в обществе всегда при всех условиях будут верхи и низы, всегда будут отношения господства и подчинения. Ну и в этом греховном мире всегда будут существовать в той или иной форме принуждение и насилие.

Соответственно, консерватизм исходит из естественного неравенства людей. Консерваторы всегда акцентируют внимание на том, что люди не равны ни по биологическим параметрам, ни по уму, ни по нравственному облику и так далее. И это фундаментальный факт, который необходимо признать и строить, исходя из него, соответственно, любые стратегии. В силу признания объективного факта естественного неравенства

для консерваторов всегда характерен поиск властных экономических, идеологических и культурных технологий, которые бы позволяли сформировать качественную элиту, готовую во имя высших ценностей жертвовать, если надо, и своей жизнью, такую элиту, которая была бы сориентирована на решение общенациональных задач, а не на удовлетворение собственных узкоэгоистических интересов или создание утопического общества всеобщего равенства без элиты. Консерватизм на разных его этапах так или иначе тяготеет к этому меритократическому принципу.

Большое значение для консерваторов имеют те слои народа, которые глубже укоренены в традиции и обеспечивают её продолжение: если говорить об обществе до 1917 г., конечно, это были такие слои, как крестьянство, духовенство, купечество, дворянство и так далее. Консерваторы рассматривают народ как сложный иерархичный организм, все составные части которого тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Здесь классовой борьбе и классовому подходу нет места или же он имеет совершенно другое назначение, нежели в левых доктринах. Каждая часть выполняет особую функцию в интересах целого организма. Приоритетное значение в консервативном сознании имеют интересы целого, и поэтому бессмысленно говорить об особых интересах части, тем более создавать для неё особую защитную идеологию, которая бы противостояла интересам целого, стремясь перестроить его в свою пользу.

Ещё одно следствие того, что консерватизм опирается, прежде всего, на религиозную традицию: его религиозная составляющая обуславливает гносеологический пессимизм. Консерватор, будучи христианином, будучи религиозным человеком, всегда испытывает определённое скептическое отношение к возможностям человеческого разума; в других идеологиях он, этот разум, всесилен. Ratio, неприятие абсолютизации его возможностей, крайне осторожное отношение к кабинетным схемам радикального переустройства человеческого общества — это маркёр консервативного сознания. Религиозное мировосприятие диктует консерватизму и антропологический пессимизм: консерваторы конечно же так или иначе заимствуют из христианства, у святых отцов понимание ограниченности, несовершенства человеческой природы, говоря религиозным языком, греховности. Эта человеческая природа одержима силами зла и, соответственно, исключает принципиальную осуществимость в земных условиях идеального общества, и, соответственно, раз человеческий разум ограничен, раз человеческая природа несовершенна — для консервативного

всегда характерна высокая оценка всего того, что корректирует этот разум, сдерживает злые человеческие инстинкты.

Для консерваторов характерна высокая оценка сильного государства, приоритет его над интересами индивида. Я, конечно, говорю о большинстве течений русского консерватизма. И с точки зрения большинства русских консерваторов, главенствующее значение имеют интересы целого, а всё же не отдельной индивидуальности. Важны, прежде всего, надындивидуальные ценности: Бог, Церковь, нация, семья и так далее. Вот все вышеперечисленные ценности, институты всегда нуждаются в надёжной защите, каковой в первую очередь выступает государство. Человек, русский человек с консервативным мироощущением не может не быть государственным.

Для консервативного всегда также характерен культ школы, армии, патриотизма, самобытной национальной культуры, исполнительности, дисциплины, порядка, жёсткого права, то есть всех тех общественных институтов, традиций и явлений, которые всегда выступают основными трансляторами, проводниками, хранителями традиций. Ну, невозможно это без Церкви, без школы, без самобытной национальной культуры и так далее.

Здесь же проявляется ещё одна черта консервативного сознания: понимание конкретно-исторической обусловленности уровня прав и свобод в наличном обществе — нельзя быть свободным больше, чем ты свободен внутренне. И консерватизм естественно противостоит как социалистическим идеологиям, так и либерализму, в основе которых лежат ценности прямо противоположного порядка. Назовём их, эти ценности противоположного порядка: атеизм, культ рассудка, антитрадиционализм, космополитизм, приоритет интересов индивида над интересами государства, вообще индивидуализм, культ личных прав и свобод, приверженность к кабинетным теоретическим моделям, культ перемен, революции.

Но при этом было бы неверно трактовать консерваторов как противников всего нового, как часто делают оппоненты консерваторов. Нет, они выступают лишь против абсолютизации самого принципа новизны, заведомого примата нового перед уже проверенным старым, что обычно характерно для радикального либерализма, ну, и ещё более левых течений. Новое — не всегда лучшее, и для консерватизма характерно такое благоговение перед бытием, бережное отношение к миру, поскольку он создан Творцом, отсюда вытекает его неприятие всякого рода революционных потрясений.

В случае абсолютной необходимости социальных перемен консерватизм требует при их осуществлении чрезвычайной осторожности и постепенности: только те преобразования необходимы, которые абсолютно назрели, только те преобразования будут органичными, которые будут учитывать прежнюю традицию, прежний опыт. И, соответственно, расширение гражданских прав и свобод, с точки зрения консерваторов, возможно только в том случае, когда это не сказывается отрицательным образом на высших интересах общества и государства. Свобода должна быть ответственной и не противоречить нормам нравственности, не переходить во вседозволенности: невозможно допускать разгула проплаченной клеветы, пошлости, уголовщины, криминала, реформаторства и так далее. И здесь эгоистический индивидуализм либерального образца является объектом принципиального неприятия со стороны консерваторов.

Следует подчеркнуть, что история русского консерватизма свидетельствует о зависимости этого феномена от исторического, географического, национального контекста. Консерватизм историчен, он, в отличие от социализма и либерализма, строящихся на либеральных схемах, с трудом окрашивающихся в какие-либо национальные цвета, всегда зависит вот от этого культурно-исторического контекста. Как говорил выдающийся русский консерватор К. Н. Леонтьев, «охранительство у всех народов разное: у русских — одно, у французов — другое, у турок — третье». Именно потому что разные истории, разные культурные контексты. И содержание консервативной идеологии на практике оказывается плюралистичным и конфликтным: консерватизм, в отличие от либерализма и социализма, не является универсальной идейной системой с чётко очерченной системой взглядов.

В русском консерватизме чётко прослеживается магистральное направление: господствующее, постоянно возобновляющееся даже в случае его прерывания. Оно возникло и оформилось под воздействием нескольких основных факторов русской истории.

В первую очередь скажу о влиянии православной религии на все стороны общественной жизни — от быта до политики. Православие определяет всю ту систему ценностей, которая важна для консерваторов. Это представление о смысле бытия как отдельного человека, так и целых государств; это представление о должном и сущем, о добре и зле, о богатстве и бедности, об отношении к труду и так далее. То есть все это, в данном случае сформированное в рамках православного сознания,

так или иначе ассимилируется в консервативных идеологиях и подлежит рефлексии.

Огромную роль также в русской истории играл идеал мощного централизованного иерархического государства, который всегда, начиная с XIV в., присутствовал в национальном сознании, просто в силу больших пространств и постоянных военных угроз со стороны Запада и Востока, необходимости вести оборонительные войны, требующие колоссального народного напряжения и сплочённости. Из каждых трёх лет, которые прожила Россия на своём историческом пути, два года занимали войны. И конечно же вот этот идеал централизованного государства не мог не иметь глубиннейших органичных корней в народном сознании.

Главным течением в русском консерватизме изначально было то, для которого приоритетными ценностями выступали православие, сильное централизованное государство и русский патриотизм. И, соответственно, наиболее развитые классические формы русского дореволюционного консерватизма в целом являлись своего рода теоретически развёрнутым обоснованием формулы, которую чётко сформулировал в царствование Николая I министр народного просвещения Сергей Семёнович Уваров: Православие, самодержавие, народность — знаменитая уваровская триада. И всякая серьёзная русская консервативная рефлексия неизбежно затрагивала, обосновывала те или иные члены указанной триады или же отталкивалась от них.

Необходимо констатировать, что в нашем обществе, которое за XX век пережило сильнейшее «красное смещение» в политическом спектре, традиционные ценности и институты оказались в значительной степени разрушенными и скомпрометированными. Произошла атомизация общества. Оказалось в значительной мере подорвано, разрушено национальное самосознание, подорван авторитет государства и закона, в значительной мере разложена и традиционная семья. С большим сомнением можно говорить о прочности массового патриотизма. Всё это «размывается» теми процессами, которые идут как в России, пусть в меньшей степени, в ослабленной степени, но в особенности во внешнем мире — там, где в целом доминирует либеральная идея, происходит колоссальная деградация. Речь уже не идёт о процессах эгалитарной ломки социума по марксистским схемам. Речь сейчас идёт о сломе человека как образа и подобия Божия, возникает на наших глазах система тотального контроля над личностью со стороны искусственного интеллекта. Более того,

формируется некий цифровой постчеловек, свободно выбирающий пол из десятков альтернатив, формирующийся под воздействием чудовищной в эстетическом и моральном плане постмодернистской масс-культуры. Возникает реальная опасность осуществления на практике такой модели тоталитаризма, которая доселе описывалась лишь создателями антиутопий — нашим Е. И. Замятиным или англосаксами О. Хаксли и Д. Оруэллом. Консерваторы вынуждены теперь отстаивать не только Бога и религиозное понимание мира, разрушение которых в XIX, XX вв. происходило во имя человека, гуманистических идеологий. Но теперь они вынуждены отстаивать и самого человека как такового — человека, который начинает активно расчеловечиваться.

Обращает на себя внимание, что из всех сколько-нибудь авторитетных общественных и государственных сил только Церковь, являющаяся хранителем религиозной традиции, в наибольшей степени даёт точную и последовательную оценку интеллектуальным, нравственным, эстетическим патологиям надвигающегося «прекрасного нового мира». Недавно Патриарх Кирилл подчеркнул, что Церковь категорически против использования цифровых технологий в обеспечении тотального контроля над человеческой личностью. Развитие тотального контроля, сказал он, над человеком означает рабство, и всё будет зависеть от того, кто будет господином над этими рабами. Разумеется, Святейший апеллировал к церковной традиции, но в нашем обществе, обратите внимание, в наших референтных интеллектуальных группах мало кто с такой ясностью, чёткостью и сознательным стремлением опираться на религиозную традицию — в данном случае это текст Апокалипсиса — может сформулировать эту проблему, может дать диагноз тому, что происходит. Церковное сознание, церковная религиозная традиция по-прежнему является очень точным, очень чистым камертоном.

Ну и последнее: особенностью бытования консерватизма в нашей стране на протяжении двух с лишним веков было то, что власть, в том числе и дореволюционная власть, тут ничего не надо идеализировать, апеллировала к русской традиции, русской идентичности лишь тогда, когда имел место цивилизационный вызов, который угрожал самому существованию Империи. Например, русский консерватизм окончательно оформляется как течение общественной мысли в огне войны 1812 г. Это грандиозная, по сути мировая война, угрожающая самому бытию России. И вот тогда на первый план выдвинулись выдающиеся

деятели этого направления. Русский консерватизм артикулировал себя, одержал блистательную идейную победу и способствовал грандиозной военной победе над одним из величайших полководцев мировой истории. И, выполнив свою роль, консерваторы были отодвинуты властью на периферию. Русские консерваторы временно спасли власть в 1905–1907 гг., когда Россия уже погружалась в новую смуту. Но, после того как произошла частичная стабилизация, либеральная бюрократия при пассивном отношении монарха расколола русское консервативное движение и сделала всё для его компрометации. В итоге в феврале 17-го года государство защищать было уже некому. В СССР к 1934-му г. сталинское руководство, принимая в расчёт события, произошедшие в Германии в 1933-м г., частично, в редуцированном, ограниченном, очень изуродованном виде возвращает в публичное культурное поле имена Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, Ушакова и Нахимова. Обращаться, так сказать, к классическим для марксистов образам К. Маркса и Ф. Энгельса, Клары Цеткин и Розы Люксембург в преддверии большой войны было бы самоубийственно. Заканчивается война, и эта мощная патриотическая пропаганда отходит на второй-третий план. В феврале-декабре 1991 г. тогдашние советские консерваторы по тому же сценарию были блокированы как властью, так и западническо-либеральными силами. Исторический опыт показывает, что парадигма верховной власти, которая обращается к консервативно-патриотическим ценностям лишь в моменты смертельной для неё опасности и, напротив, максимально их ограничивает, а то и подавляет в относительно спокойные для неё периоды, — порочна и опасна. Более того, в определённых условиях чревато социальной и национальной катастрофой. Поэтому усвоение и актуализация русского консервативного наследия — одна из самых главных задач современного академического сообщества. Ну и, я бы даже сказал, в целом русского общества.

